

Социологическое наследие

Э. БЕРК

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РЕВОЛЮЦИИ ВО ФРАНЦИИ*

Что касается человека, влачащего нищенское существование, то для того, чтобы возвысить его душу и донести до него суть государства, в котором исчезнут привилегии изобилия и богатства, в котором он станет равным по классу и, быть может, более равным по своим достоинствам, то такое применение некоторой части общего благосостояния его страны вполне оправдано.

Уверяю Вас, я не претендую на оригинальность. Я представляю Вашему вниманию мнения, которые при всеобщем одобрении принимались нами, начиная с самых древних времен и вплоть до сегодняшнего дня. Эти идеи настолько близки мне, что я не в состоянии различить, что я почерпнул от других, а что является результатом моих собственных размышлений.

Основываясь на таких принципах, большинство англичан не допускает незаконность религиозных отечественных учреждений и вряд ли думает, что обойтись без них возможно и законно. Во Франции Вы глубоко ошибетесь, если не поверите, что мы больше других народов привержены этому, и когда англичане действовали неумно и непростительно в свою пользу (а в некоторых случаях они делали это особенно отчетливо), то их цель Вы могли увидеть сквозь призму их ошибок.

Этот принцип вытекает из всей системы их политики. Они не рассматривают свою церковь как нечто удобное, а видят в ней неотъемлемую часть своего государства. Они не считают церковь чем-то неоднородным и поддающимся делению; доведком к основному куску, чем-либо, что можно было бы сохранить или отбросить как ненужное, согласно их изменчивым представлениям о выгоде и преимуществах. Они рассматривают церковь как основу конституции, с каждой частью которой она находится в нерушимом союзе. Церковь и государство нерушимы, и практически всегда при упоминании одного не забывается и второе.

Образование основано на традиции и тесно связано с церковью

Наше образование слишком формально, чтобы подтвердить и закрепить это положение и находится полностью в руках духовных лиц на всех его стадиях от начальной до самых высших ступеней. Даже когда наша молодежь, покидая стены школ и университетов, вступает в самый важный период жизни, где начинается взаимосвязь опыта и приобретенных знаний, и когда с этой целью юноши посещают другие страны, вместо старых слуг, которые раньше служили гувернерами, три четверти тех, кто едет за границу с нашей молодой аристократией и джентльменами, — священнослужители. Они сопровождают юношей не в качестве строгих учителей, но и не как простые проводники, а будучи друзьями и компаньонами. Причем нередко по рождению они принадлежат к той же знати. На протяжении всей жизни они поддерживают с ними, как с родственниками, тесные отношения. С помощью таких контактов мы приближаем наших джентльменов к церкви, к тому же мы

* Продолжение. Начало см. «Социологические исследования». 1991. N 6.

либерализуем церковь, поддерживая тесные связи с ведущими представителями нации и страны.

Мы настолько догматичны, что касается древних церковных структур и институтов, что с XIV—XV вв. по сегодняшний день были проведены лишь мелкие незначительные изменения. Мы твердо придерживаемся нашего строго устоявшегося принципа: никогда не отходить от античности. Мы считаем эти древние институты благоприятно влияющими на мораль и дисциплину и уверены: они были восприимчивы к положительным нововведениям, не изменяя своей собственной основы. Думаем, что они были в состоянии развить и, что самое важное, сохранить для потомков полученные в наследство темпы развития науки и литературы, так как по предписанию Провидения научные и литературные труды должны создаваться последовательно одно за другим. Впитав в себя и варварство готов, и монашество христиан, мы можем по праву претендовать на достаточную долю участия во всех достижениях науки и литературы, которые ознаменовали и возвеличили современный мир, как любой другой народ Европы. Мы уверены, что нам удалось добиться таких достижений только потому, что мы не отвергли опыт и знания, оставленные нашими предками.

Исходя из нашей приверженности к церкви, мы, англичане, считали неблагоразумным доверить решение своих основных проблем тем, кому они не доверяют даже частично гражданскую и военно-политическую службу, а именно — непостоянным и ненадежным усилиям случайных лиц. Они пошли дальше. Они никогда не позволяли и, конечно же, никогда не позволят, чтобы незыблемое положение церкви превратилось в положение наемного рабочего и попало в зависимость от казны и, возможно, было бы сведено на нет финансовыми трудностями, а за этими трудностями могли скрываться политические цели, в действительности зачастую возникающие из-за взбалмошности, равнодушия, жадности политиков. Англичане считают, что у них есть конституционные и религиозные мотивы выступать против превращения их независимого духовенства в наемников государства. Они дорожат своей свободой, сохранением народного спокойствия от беспорядков со стороны какого-то религиозного клана, как будто бы их заставили впасть в зависимость от какого-либо другого, кроме короны. Именно поэтому их церковь, король и знать независимы. Исходя из общего рассмотрения религиозной и конституционной политики, из их взглядов на долг, для утешения слабых и наставления невежественных, они закрепили крупную частную собственность за церковью, причем государство ее хозяином не является, а лишь охраняет. Они велели, что подобные установления — нерушимы и не будут меняться подобно Еврипу¹.

Вожди, точно так же, как и большинство населения, нуждаются в религиозном наставлении

Англичанам, я имею в виду ведущих представителей этой нации, их разуму (если он есть у них), открытому и прямому, должно быть стыдно, как глупого и лживого поступка, исповедовать религию, которую они презирают. Если их поведением (единственный язык, который врет редко) они пытались показать уважение к основным заповедям морали и природы, как всего лишь хорошую изобретательность, чтобы держать низшие слои общества в повиновении, они понимают, что таким способом не достигнут своей политической цели. Им будет трудно заставить других поверить в ту систему, которой они и сами-то не верили. Христианские политические деятели нашей страны первыми обеспечат большинство, потому что они сами его (большинство) составляют, а потому являются ядром института священнослужителей и всех других институтов. Их учили, что молитвы церкви за бедных — это самая великая ее миссия. Поэтому они уверены, что не веруют только те, кто не проявляет заботу о том, чтобы церковь молилась за бедных. Но так как они не знают, что благотворительность не ограничивается одним классом людей, а должна касаться всех, кто в ней нуждается, то они не лишены чувства жалости к униженным и оскорбленным... Они чувствуют, что религиозное учение более удобно для них, чем для кого-либо другого, так как подвергаются великим соблазнам и их ошибки сопровождаются тяжелыми последствиями. Поскольку влияние их дурного примера распространяется, как

зараза, им приходится смирять свою гордость, так как среди тех, кто главенствует в суде, в армии, в сенате, а также кто стоит за ткацким станком и работает на полях, господствуют жирная глупость и вопиющее невежество.

Англичане довольны тем, что для большинства кроме учения церкви очень важно найти в ней и утешение. Они тоже среди несчастных. Они чувствуют личную боль и услужливо сопереживают. В этом они не имеют привилегий, но должны оплатить полностью свою долю вкладов, которыми облагается род человеческий. Они мечтают о чудотворном бальзаме для успокоения души, истерзанной заботой и беспокойством... Нашим несчастным братьям необходима благотворительность, чтобы заполнить пустоту, царящую в умах тех, кому на земле не на что надеяться и нечего бояться. Кроме того, нужно утешить в слабости и усталости страждущих, возбудить аппетит у пресытившихся — у тех, кто удовлетворяет себя всеми удовольствиями, которые можно купить за деньги.

Церковь и ее служители нуждаются в укреплении социального положения

Англичане знают, как мало влияния проповедники религии оказывают на людей обеспеченных и обладающих властью, и еще меньше на только что появившихся богачей, если они противопоставляют себя тем, с кем они должны общаться и через кого они должны действовать, в некоторых случаях с позиции власти.

Что они должны думать об этих проповедниках, если видят, что те по положению своему не выше домашних слуг. Если бедность добровольна, то должно быть и какое-то различие.

Примеры самоотречения властно владеют нашим разумом. И человек, у которого нет желаний, приобрел величайшую свободу, твердость духа и даже величие. Но так как большая часть любого класса — всего лишь простые люди, и их бедность не может быть добровольной, то разочарование, которое посещает все поприща бедности, будет неотделимо от священнослужителей. Поэтому наша расчетливая конституция позаботилась о том, что те, кто должен отвращать от невежества, те, кто должен стать надзирателем над высокомерным грехом, не должен навлечь на себя презрение и жить на подавание; а богатство не откажется от истинного лекарства для просвещения разума. По этим причинам, в то время как мы с родительской заботливостью обеспечиваем бедных всем необходимым, мы не стали низводить религию (как что-либо, что нам было бы стыдно и показать-то) до непонятных муниципалитетов или грубых деревень. Нет! Мы вознесем ее митру при дворе и в парламенте. Мы соединим ее со всем народом и перемешаем со всеми классами общества. Англичане покажут кичливым властителям мира и их софистам, что свободный, щедрый народ чтит высоких судей своей церкви; что он не допустит высокомерия богатства и титулов или какого-либо другого проявления заносчивости, не будет смотреть сверху вниз со скорбью на то, на что они смотрят с уважением; не позволит растаптывать вновь возникшую аристократию, которой они все время стараются быть и которая зачастую остается детенышем, а не наградой за учение и добродетель. Они смотрят без боли и недовольства на то, что архиепископ превосходит герцога. Их не возмущает, что епископ Даремский или епископ Винчестерский получают жалование 10 тысяч фунтов в год, но не в состоянии постигнуть, почему это хуже, чем содержание поместий той же стоимости графом или эсквайром, хотя, может быть, и правда, что последние содержат не так уж много собак и лошадей и кормят их едой, которой можно было бы накормить детей. Абсолютно верно, что доход церкви не всегда используется до последнего шиллинга на благотворительные цели, да он и не должен быть так использован, но значительная его часть все же идет на нужды милосердия. Лучше лелеять и беречь милосердие и человечность, раскрепощая волю, пусть даже за счет продвижения к цели, чем пытаться сделать из людей простые инструменты политической благотворительности. Мир в целом извлечет пользу из свободы, без которой не может существовать добродетель.

После того, как государство закрепило за церковью земельные участки, оно больше ничего не хочет слышать об изменении их размеров. Слишком много или слишком мало — это тяжкое преступление против собственности. Какое зло может причинить определенное

количество собственности в чьих-то руках, если высшая власть полностью контролирует эту собственность и управляет ею, как и всей остальной, чтобы уберечь ее от надругательств и оскорблений и чтобы при малейших отклонениях направить ее в нужном для власти [направлении].

В Англии большинство из нас понимает, что это зависть и злоба по отношению к тем, кто только что сколотил свое состояние, а не самоотречение и умерщвление плоти по учению древней церкви, заставляет некоторых смотреть с подозрением на черты отличия, воздаваемые почести, доходы, которые, взятые абстрактно, приберегаются для добродетели. Уши англичан могут услышать и различить многое. Они слышат, как эти люди разговаривают — их язык фальшив, невнятен и лицемерен. Именно так англичане должны воспринимать речи болтунов, заставляющих священников вернуться к примитивной евангелистской бедности, которая должна всегда присутствовать в них (и в нас тоже, несмотря на то, нравится нам это или нет), но материально должна изменяться, когда меняется отношение человека к государству, когда нравы, обычаи, весь уклад жизни, все человеческие понятия переживают крупнейшую революцию. Мы поверим реформаторам, если они будут честными энтузиастами, а не теми обманщиками, какими мы знаем их сейчас...

Разделяя эти глубоко укоренившиеся в умах идеи, городская община Великой Британии в случае национальной опасности никогда не будет стремиться пополнить свои ресурсы за счет конфискованных земель церкви и бедняков, среди используемых нами средств нет места святотатству и изгнаниям. Евреи не посмели скрыть проценты от закладных на доходы, принадлежащие Кентерберийской епархии. Я не боюсь навлечь на себя Ваш гнев, попытавшись уверить Вас, что в этом королевстве нет ни одного политика, чьи слова Вы захотели бы процитировать, ни одной партии, которая бы не осуждала бесчестную, вероломную и жестокую политику конфискации, одобренную Национальной Ассамблеей, первой обязанностью которой была защита этой собственности от конфискации.

С восторгом и гордостью скажу Вам, что среди нас, среди тех, кто с отвращением отвернулся от парижских обществ, были разочарованные. Грабеж Вашей церкви доказал безопасность нашей собственности. Это возмутило народ, который с ужасом и восторгом наблюдает этот необъятный и бесстыдный акт изгнания. Он открыл и еще шире откроет глаза на эгоистичный рост разума и скупости тех хитрецов, которые начали скрыто лицемерить, а затем уже не стеснялись ни жестокости, ни насилия. Дома мы замечаем такие же тенденции. Мы активно следим, чтобы у нас события не развернулись подобным образом.

Для конфискации собственности у французской церкви нет законных оснований

Надеюсь, что мы никогда полностью не потеряем чувство ответственности, которое налагает на нас закон социального союза или любой другой вид общественного служения, чтобы конфисковать товары незащищенных граждан. Кто, кроме тирана (в этом имени отражается все, что может испортить и уничтожить человеческую натуру), может придумать ограничение на собственность сотен и тысяч невинных безвестных родов, кто, как не он, потеряв свое человеческое лицо, мог низвергнуть представителей высшей знати и священнослужителей, некоторых в почтенном возрасте, лишив их высокого положения в государстве, где поддержкой им служила земельная собственность, в положение бедности, уныния и презрения.

Конфискаторы² сделали некоторые уступки своим жертвам в виде объедков с собственного стола, откуда те были так грубо выдворены и который был так щедро развернут на празднестве ростовщиков. Но заставить привыкших к независимости людей жить на подаяние — уже само по себе жестоко. Те жизненные условия, которые в одном состоянии люди могут перетерпеть, а в другой ситуации — нет, могут при изменившихся обстоятельствах привести к революции, причем на ее стороне будет добродетельный и сильный разум, осуждающий любой грех, кроме того, что потребует жизни ее защитников; для многих умов наказание деградацией и позором хуже смерти. Несомненно, это сильно усугубляет тяжкие страдания тех, кого учили почитать религию и образование, кто занимал высокое

положение в администрации и кто должен теперь получать остатки своей собственности как милостыню из богохульных и нечестных рук, кто их же и грабил; получать эти остатки не из щедрых вкладов верующих, а от надменно сочувствующего атеизма, выдающего стандартное презрение, в котором он сам находится, чтобы воздать тем, кто получает одобрение греха и не получает нужной оценки в глазах государства.

Но этот закон определения размеров состояния является критикой в законе, а не конфискацией. Похоже, они нашли в академиях Пале Рояль³ и якобинцев сведения о том, что некоторые люди не имеют права владения собственностью⁴, которой они владели по закону и по решению суда испокон веков. Они говорят, что священнослужители — люди придуманные и созданные государством, которых при желании оно может и уничтожить и, конечно же, ограничить или изменить по своему усмотрению; что собственность, которой они обладают, не принадлежит им полностью, а является собственностью государства, которое создало эту сказку о церкви; и поэтому можно представить, какие страдания выпадут на их долю. Какое это имеет значение, от чьего имени Вы оскорбите людей, лишите их честных заработков и доходов от ремесла, который им был не только разрешен, но в развитии которого они были поддержаны государством. Рассчитывая на свои доходы, они создали свой жизненный план, взяли определенные суммы в долг, попав в полную зависимость.

Не стоит думать, сэр, что я собираюсь раздавать комплименты этому отвратительному различию между людьми. Аргументы тирании так же презренны, как отвратительна ее сила. Разве Ваши конфискаторы в своих первых преступлениях не получили власть, которая гарантирует отпущение всех грехов, прошлых и будущих; это не силлогизм логика, а удар хлыстом палача, который опровергнет софистику, становящуюся соучастницей воровства и убийства. Тираны-софисты в Париже произносят громкие речи против депортированных тиранов-королей, мучивших мир в прежние века. Они самоуверенны и наглы, так как защищены от темниц и железных решеток своих бывших хозяев. Почему мы должны быть мягкими к тиранам нашего времени, когда видим, что под их руководством разыгрываются еще большие трагедии? Почему бы нам не пользоваться той же самой свободой, что и они, когда мы можем использовать ее так же безопасно? Если говорить откровенно, только ли правда требует презирать мнения тех, чьи действия мы ненавидим? Грубое нарушение прав собственности сперва прикрывалось самым удивительным и поразительным объяснением — уважением к народной вере. Враги собственности сначала притворно проявили чрезвычайную лояльность, деликатность и обеспокоенность по поводу сохранения обязательств короля перед народным кредитором. Эти знатоки прав человека так заняты обучением других, что у них не хватает времени, чтобы поучиться самим, иначе бы они знали, что истинная вера гражданского общества закладывается в залог под собственность граждан, а не под требования кредитора в лице государства. Гражданские требования первичны во времени, первостепенны по званию, исключительны по справедливости. Личная собственность, которой владеют в результате приобретения или наследования, или же получив собственность за какие-либо определенные заслуги перед обществом, не внушали кредитору доверия. При заключении сделки он никогда не принимал это всерьез. Он хорошо знал, что народ, представленный либо монархом, либо сенатом, может поручиться только народным состоянием, которого у него может и не быть, кроме уплаты честного и пропорционального налога всех граждан. Этот налог и будет отдан в залог, но больше с народного кредитора взять нечего. Ни один человек не сможет заложить свое бесчестье как поручительство своей верности.

Отказ от общественных обязательств прежнего правления означает повреждение веры

Невозможно не увидеть противоречий, порожденных высочайшей строгостью и высочайшей слабостью новой народной веры, которая повлияла на эту сделку, причем влияние оказала не суть обязательства, а класс тех, которому она была отдана в залог. Ни один из законов бывшего королевского правительства Франции не ценится Национальной Ассамбле-

ей, кроме его финансовых поручительств, все остальные акты подвергаются сомнению. Они рассматриваются в одиозном свете, так что предъявление претензий уже рассматривается как некий вид преступления. Пенсионное пособие, выдаваемое как награда за служение государству — такая же хорошая основа собственности, как и деньги, одолженные государству. Это лучший вариант, так как для получения этой службы платят хорошие деньги. Однако мы можем привести в пример множество людей во Франции, которых никогда не лишали денежного пособия даже в самые тяжелые времена самые деспотичные министры и Ассамблея. В ответ на требование заработанного потом и кровью куска хлеба им было сказано, что их служба стране не нужна.

Слабость народной веры не ограничивается этими несчастными. Ассамблея, надо отдать должное ее постоянству, занята обсуждением вопроса, насколько серьезно и глубоко она связана с другими странами договорами, заключенными бывшим правительством, и Комитет Ассамблеи должен доложить, какие из них будут ратифицированы, какие — нет. Этим они уравнили внешне- и внутривластные принципы своего девственного государства. Нелегко понять, на какой рациональный принцип лучше опереться королевскому правительству: обладать властью хорошо оплачиваемых служащих и заключать договоры, благодаря своей прерогативе, или же закладывать кредиторам настоящий и будущий доход государства. Национальная казна является самой меньшей прерогативой короля Франции или любого другого европейского монарха. Заложить национальный доход означает верховное давление в самой большей степени на национальный кошелек. Это выходит далеко за рамки оказания доверия даже временным и единичным налогам. Однако законы этой опасной власти (отличительная черта безграничного деспотизма) были объявлены священными. Когда же появилось это преимущество, данное демократической Ассамблеей органу собственности, берущему свое начало из капризных деяний монарха? Причина не может служить оправданием непоследовательности, а частичное позволение не может быть объяснено беспристрастными принципами.

Люди и интересы, ответственные за эти нарушения справедливости

При огромном долге во Франции значительно вырос денежный капитал, а вместе с ним и власть. При старом использовании, превалировавшем в государстве, движение собственности и в особенности взаимная обратимость земли в деньги, а денег в землю всегда были затруднены. Семейные поместья, более строгие, чем в Англии, *jus retractus*⁵, большая масса земель, которыми безраздельно владеет корона, огромные церковные поместья — все это разделяет земельный и денежный капиталы во Франции, и владельцы двух различных видов собственности вовсе не питают, как в нашей стране, друг к другу теплых чувств.

На денежный капитал в течение долгого времени люди смотрели с завистью. Они считали, что от него все их беды и страдания. На подобную собственность с завистью взирали и древние землевладельцы, частью по тем же причинам, но больше из-за того, что она таяла при блеске показного проявления роскоши, материально не обеспеченной родословной и не обеспеченных титулов немногих аристократов. Даже когда знать, представляющая более постоянные земельные капиталы, связывала себя с помощью браков с другими классами, благосостояние, которое спасало семью от финансового краха, одновременно способствовало и ее деградации. Таким образом, враждебность и ревность, зависть между классами разжигались даже обычными средствами, при помощи которых снижался накал беспорядков, а ссоры обычно перерастали в дружбу. Тем временем гордость богатых людей, не принадлежащих к аристократии, постоянно росла. Они с негодованием чувствовали себя униженными, причин же для такого унижения не признавали. Они были готовы прибегнуть к любым мерам, только бы отомстить знатным соперникам, возвести свое благосостояние на такой уровень, который бы соответствовал их собственной оценке. Они нападали на аристократию, привлекая на свою сторону корону, и через церковь. Они атаковали ее с, по их мнению, наиболее уязвимой для знати стороны, а именно, со стороны церковных собственников, которые под покровительством короны переклады-

вали всю ответственность на аристократию. Епархии и крупные монастыри за малым исключением живут по этим законам.

В государстве реальных, хотя и не всегда осознаваемых битв между земельным капиталом старой аристократии и новым денежным капиталом большая сила в руках последних. Денежный капитал по своему характеру способен на любые авантюры, а его владельцы более восприимчивы к новым предприятиям и новым идеям. Так как денежный капитал и сам является одним из последних приобретений времени, он более естественно и быстрее откликается на любые нововведения. Поэтому к денежному капиталу обратятся все, кто захочет изменений, преследуя благополучие.

Истинная цель — это уничтожение Христианской религии

Вместе с денежным капиталом вырос новый класс людей, с кем этот капитал очень скоро сформировал тесный союз, я имею в виду политических писателей. Писатели, стремящиеся отличиться, не расположены к нововведениям. С момента потери величия Людовика XIV им больше не уделяли так много внимания ни его регенты, ни преемники короны, и не звали ко двору, как во времена хвастливого и неразумного царствования. То, что они потеряли при защите двора, они пытались обрести за счет объединения. Немалый вклад внесли сюда академии Франции, а затем и энциклопедисты, принадлежащие к обществу этих джентльменов.

Писательские интриги несколько лет назад создали что-то наподобие регулярного плана разрушения христианской религии. Ее преследовали с таким рвением, которым до этого отличались лишь распространители некой системы благочестия. Они были обуреваемы духом прозелитизма, а значит, и чувством легкого успеха и манией преследования. Что не удавалось достигнуть на пути к их великой цели с помощью прямого или немедленного закона, могло быть достигнуто обходным путем — благодаря общественному мнению. Чтобы управлять общественным мнением, необходимо сделать первый шаг — оказать давление на тех, кто руководит. Они задумали методично и настойчиво добиваться этого всеми средствами литературной славы. Многие из них действительно высоко стояли на ступенях литературы и науки. Мир воздал им должное: учитывая большие таланты, простил эгоистичность и злость их тщеславия. Это было истинное великодушие, за которое они отплатили тем, что старались придерживаться только своего собственного опыта и опыта своих последователей. Я должен сказать, что дух исключительности был таким же пагубным для литературы и вкуса, как и для морали и философии. Эти отцы атеизма обладали своим собственным фанатизмом, они научились бороться с монахами их же методами. Но в некоторых случаях они остались светскими людьми. Для восполнения недостатков аргументации в ход пошли интриги. К этой системе литературной монополии присоединилась беспрестанная индустрия очернительства и дискредитации любыми способами и средствами всех тех, кто не вошел в их фракцию. Для тех, кто наблюдал за изменением настроения в их поведении, давно стало ясно, что они не хотели ничего, кроме власти с ее нетерпимостью к языку и перу, которая затем перерастет в гонения, что в свою очередь наносит ощутимый удар по собственности, свободе.

Несистематические и слабые гонения на 'них, больше из-за мелких несогласий, чем из-за серьезного и сильного негодования, вовсе не уменьшили их силу и не расстроили их действия. Весь вопрос в том, что и в случае неудач, и добиваясь успеха, неистовый и пагубный энтузиазм, доселе еще не ведомый миру, полностью занимал их души и умы и превращал разговор из приятного и поучительного в глубоко омерзительный. Дух клики, интриганства, прозелитизма занял все их мысли, слова и дела. И с усилием ответного фанатизма они начали исподволь втираться в доверие к иностранным коронованным особам в надежде на то, что благодаря их покровительству и защите, которую они восхваляли, смогут осуществить задуманные перемены. Им было безразлично, будут ли эти изменения проведены системой деспотизма или станут результатом катаклизма общественных беспорядков. Сговор этой клики с последним прусским королем прольет немало света на их поведение⁶. По этой же причине, по которой они строили свои интриги с коронованными особами, они способствовали и развитию в определенных размерах денежного капитала

во Франции, частично используя средства, предоставляемые теми, чьи особые посты позволяли применять самые обширные и определенные меры взаимодействия, к тому же они осторожно заняли все подступы к формированию общественного мнения.

Писатели, особенно когда они действуют организованно и в одном направлении, оказывают на общественное мнение огромное влияние, поэтому лояльность этих писателей плюс денежный капитал были немаловажными факторами в устранении народной зависти по отношению к тем, кто оказался приобщенным к благосостоянию. Эти писатели как распространители всех нововведений претендовали на огромный энтузиазм беднейших слоев населения, в то время как в своих сатирах они с ненавистью представляли чрезвычайно преувеличенно ошибки суда, аристократии и священнослужителей. Они стали демагогами, связующим звеном союза в пользу одной страны, отвратительного благополучия с беспокойной и доведенной до отчаяния бедностью.

Так как во всех последних сделках эти два класса оказываются лидирующими, то их совместные действия и политика послужат оправданием (не с точки зрения закона, а исходя из всеобщей ярости) атаки на земельную собственность церковных корпораций и большой заботы о денежном капитале, берущем начало в покровительстве короны. Вся зависть по отношению к богатству и власти искусственно направлялась против других классов богачей. Какими еще принципами, кроме тех, что я указал, мы можем объяснить, что внезапно и противоестественно церковная собственность, которая на протяжении многих веков выдерживала вспышки гражданской ярости и негодования, была мгновенно осмеяна законом и обычаем и использовалась для уплаты сравнительно недавних, оскорбительных долгов порочным и развращенным правительством?

Перевод с английского Э.Э. МАЛЬЦЕВОЙ

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Течение в Эгейском море между островом Евбеей и материкам, для которого характерны большие перепады между приливом и отливом.

² 2 ноября 1789 г. Национальная Ассамблея проголосовала за изъятие земли у католической церкви во Франции.

³ Пале Рояль был любимым местом, где узнавали самые последние новости.

⁴ Это название закрепилось за поддерживавшим революцию политическим клубом, по названию места собраний в зале бывшего монастыря Св. Якова (на латыни Якоба; французское название ордена Доминиканцев). Первоначально включал в себя членов Национальной Ассамблеи и проводил консервативно-либеральную политику. Затем под руководством Робеспьера этот клуб стал организованным центром радикализма последующего периода террора.

⁵ Право отречения или возмещения. Во времена феодализма господин имел преимущественное право на покупку ранее купленной земли, если она когда-то была частью его поместий.

⁶ Речь идет о короле Пруссии Фридрихе Великом (1712—1786).